

УДК 316.4.06

DOI: <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5518>

Смыслы и дилеммы мультикультурализма в России: идеологический поворот 2010-х гг.

Низамова Л.Р.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

На основе анализа дискурсов отечественной и зарубежной литературы, посвященной многокультурности, а также российской политической риторики по вопросам культурного разнообразия и общенациональной интеграции раскрываются значения и противоречия мультикультурализма в России. Текущая востребованность «дружбы народов» и межнационального согласия, восходящих к «советскому мультикультурализму», во многом успешная реализация поликультурности в Республике Татарстан постсоветской эпохи свидетельствуют об уместности и значимости дискуссии о мультикультурализме в современной России.

Ключевые слова: мультикультурализм, многокультурность, толерантность, Россия, Татарстан, межкультурный диалог, двуязычие.

В начале 2000-х гг. научный терминологический аппарат, используемый в объяснении культурного многообразия в современном мире, пополнился в России понятием «мультикультурализм». Эта идея выглядела уместной альтернативой прежним концептуальным схемам описания исконной отечественной многонациональности, хотя воспринималась российскими учеными неоднозначно. После развала СССР формирование российского национального государства при сохранении его федеративного устройства способствовало тому, что этническое, языковое, религиозное многообразие страны обозначалось не в терминах национального самоопределения или сессии, а с позиций сохранения культурного плюрализма и многоконфессиональности. В ряду близких категорий анализа, таких как «много- (или поли-) культурность», «многонациональность», «полиэтничность», термин «мультикультурализм» позволял не просто описать наблюдаемую эмпирическую реальность в стране, объединяющей около двух сотен российских народов, но обозначить особого рода либеральную идеологию и политику социального включения и признания прав меньшинств и дискриминируемых групп.

Несмотря на инерционное воспроизводство советской интеллектуальной и политической традиции

в поддержку исторической многонациональности и оживление идеологии этнонационализма в 1990-е гг., интерес к мультикультурализму в 2000-2010-е гг. продолжал расти. Ориентация на демократизацию общества, заложенная в ельцинскую эпоху, актуализировала ценности равноправия, недопущения дискриминации и расширения свобод для широкого круга социальных акторов (индивидов, социальных и этнокультурных групп), которые в разных национально-территориальных контекстах оказывались одновременно и большинством, и меньшинством. Постепенно увеличивалось число публикаций, посвященных практикам реализации многокультурности в разных странах мира, среди которых, безусловно, лидировали государства Северной Америки, Западной Европы и Австралия. Издание переводов трудов ведущих участников западных дискуссий о культурном плюрализме (Ч. Тэйлора, У. Кимлики, М. Уолцера, С. Бенхабиб, Ч. Кукатаса и др.) способствовало более глубокому пониманию существа дебатов о мультикультурализме в либеральном дискурсе.

В 2011 г. Д.А. Медведев в должности Президента РФ высказал свое несогласие с заявлениями влиятельных европейских лидеров о «крахе мультикультурализма» из-за неудач в интеграции мигрантов и выступил в защиту исторического культурного мно-

гообразие России – ее «мультикультура» [1], однако вскоре обозначился решительный идеологический разворот, почти узаконивший отказ от либерального мультикультурализма. В 2012 г. В.В. Путин в статусе претендента на очередной президентский срок обнародовал свою позицию по «национальному вопросу». В публичном Послании Президента мультикультурализм рассматривался, наряду с ассимиляцией, как одна из двух неприемлемых крайностей. Настоящее и будущее страны связывалось не столько с формированием мультикультурного согражданства, узаконивающего культурное многообразие и равноправие народов как выражение либеральных свобод, сколько с развитием России как самобытной полиэтнической цивилизации, которая скреплена русским культурным ядром и следует по особому пути развития, реализуя при этом свой интеграционный проект [2].

Еще в 1980-е гг. страны, ставшие пионерами легитимации культурного плюрализма (Канада и Австралия), приобрели проблемный опыт, положенный в основу либеральной критики коммунитаристского варианта мультикультурализма. В 1990-2000-е гг. по мере расширения списка государств и территорий, воспринявших мультикультурные принципы (тогда он пополнился странами Западной Европы и даже Азии), нарастала либеральная критика этого политического выбора. Среди уязвимых сторон фигурировали: создание угроз национальному единству и гармонии гражданской солидарности, оспаривание приоритета прав индивида в пользу коллективных прав и интересов, замыкание этнокультурных иммигрантских меньшинств в своих анклавах вопреки ожиданиям их социального включения в сообщество принимающей нации. Интеллектуальная критика мультикультурализма в либеральном научном дискурсе оформилась задолго до 2011 г., когда в Западной Европе прозвучали публичные заявления европейских политических лидеров о «провале» мультикультурализма.

Аргументы западноевропейского политического дискурса не сразу, но со временем более уверенно были восприняты как неоспоримая истина в России. Усилиями части российских политиков и журналистов создана и подпитывается иллюзия всеохватывающего консенсуса в отношении полного краха идеологии и практики мультикультурализма. Легкая готовность к отказу от стратегий поддержания культурного многообразия и равноправия этнокультурных сообществ сопровождается усиливающейся критикой мультикультурализма в России (скорее огульной, чем рефлексивной по своему характеру) в контексте укрепления в стране консервативных антилиберальных ценностей. Все чаще подвергаются сомнению и отторгаются как чуждые установки на поддержание толерантности [3], поощрение межкультурного диалога и

интеркультурности как составляющие неуместной теперь западнизации [4, с. 1].

Концепция толерантности, хотя и трактовалась отечественными исследователями разноречиво, еще недавно составляла влиятельную перспективу в изучении межэтнических и межрелигиозных отношений в многонациональном государстве. Как свидетельствует работа видного представителя западной политической философии Дж. Ролза «Теория справедливости», идея толерантности – это фундаментальная либеральная ценность, тесно связанная с идеалами равной свободы и справедливости. Она берет свое начало в трактовке отношений государства с разнообразными религиозными сообществами в противовес исторически предшествовавшим религиозным войнам [5]. Религиозные свободы и плюрализм в условиях демократии вытекают из принципа равной свободы и терпимости индивидов в выборе образа жизни, при этом неприемлемы как идея моноконфессиональности, так и «всемогущего светского государства», навязывающих тот или иной образ жизни. Терпимость к другим в интересах обеспечения религиозных свобод (при гарантиях защиты общественного порядка и безопасности) оказывается условием того, что «ни одна конкретная интерпретация религиозной истины не может быть признана обязывающей для всех граждан» [5, с. 194].

Профессор политической теории Лондонской школы экономики Ч. Кукатас в работе «Либеральный архипелаг» (название отсылает к «Архипелагу ГУЛАГ» А. Солженицина и обозначает противоположное) предлагает трактовку толерантности как нейтральности в сообществе сообществ, доходящей до безразличия, но защищающей от столкновений и неприятия, возможных в случае не вполне удачных попыток наладить межкультурный диалог. Международное сообщество как «архипелаг» суверенных государств с многими центрами власти, в котором можно изменить гражданство, видится ученому примером свободного общества, хотя оно и не предполагает единства и однородности [6]. Игнорирование ценности социального единства и интерпретация толерантности Ч. Кукатасом явно идет вразрез с российской ориентацией на формирование «скреп» общенациональной консолидации и укрепление общероссийской идентичности в многонациональном государстве.

Среди сторонников либерального мультикультурализма есть теоретики, оправданно полагающие, что одной толерантности недостаточно, даже если она больше, чем просто спокойное безразличие. Толерантность ограничена тем, что она не предполагает выдвижения требований в защиту прав меньшинств, испытывающих социокультурную депривацию. Французский социолог М. Вевьерка проводит различие между толерантностью и мультикультурализмом как несовпадающими способами

ответить на коллективные требования социального включения: «одно дело быть признанным, совсем другое – лишь терпимым»; мультикультурная политика признания основывается на признании прав в поддержку этнокультурных меньшинств [7].

Профессор Королевского университета Канады Дж. Берри, автор, плодотворно исследующий вопросы межкультурных отношений, миграций и мультикультурной политики в Канаде, и его российские коллеги в совместной работе высказывают сомнение в том, что мультикультурализм был в полной мере реализован в Западной Европе, где в каждой из ведущих стран существует этнокультурное большинство: «В этих странах было признано культурное разнообразие, но не было создано условий для равноправия различных этнических групп, сохранения их культур и реализации равноправных отношений» [8, с. 95]. Признается ошибочной концепция мультикультурализма, которая допускает воспроизводство культурных особенностей в семейном кругу и этнической общине, но исключает их присутствие в публичной сфере (системе образования и профессиональной среде). Соответственно, мультикультурализм в Европе не мог потерпеть крах, так как по-настоящему еще не состоялся [8, с. 101].

Слабая пока еще укорененность парадигмы мультикультурализма в отечественном общественном сознании и выраженный приоритет политического дискурса над научным послужили закреплению доминирующего значения мультикультурализма как стратегии аккомодации мигрантов, которое задавалось историей развития мультикультурализма в странах Нового Света и позже тревожными заявлениями представителей европейских правящих элит. Все более явный скепсис в отношении политики поощрения культурного плюрализма и допустимости миграционного притока в нашу страну, наложившийся на активную антизападную риторику в условиях текущего геополитического противостояния России и Запада, подпитывает укрепление алармистского и рестриктивного миграционного дискурса. Вопреки ориентации на адаптацию и интеграцию мигрантов, «конструктивное взаимодействие между мигрантами и принимающим сообществом», узаконенной в Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., многие российские политики и СМИ нагнетают тревожность и даже враждебность, делая акцент на проблемных или скандальных случаях в практике аккомодации в Европе представителей текущей миграционной волны из Ближнего Востока и государств Азии. Катастрофическая и пристрастная картина репортажей массмедиа прямо проецируется на миграционную ситуацию в России и призвана преподать упреждающие уроки как российским властям на местах, так и обывателям. Массовый негативизм россиян в отношении «чужаков» подкрепляется разоблачительными материалами СМИ,

которые служат закреплению негативного и стереотипного образа мигранта. Приехавшие иностранцы однобоко изображаются как незаконные мигранты, угрожающие национальной безопасности и лично благополучию граждан, занимающие недостающие рабочие места, а также нахлебники, которые оказываются тяжелым бременем для оскудевающей системы социального обеспечения.

Одновременно за рамки актуальной повестки дня выводится программа системных мер по реализации интересов российских этнокультурных меньшинств, депроблематизируются требования сохранения исконного этнического, языкового и религиозного разнообразия страны. В связи с этим возникают многочисленные вопросы, из которых назовем некоторые. В какой степени маргинализация рубрики многокультурности и отказ от толерантности обеспечивают выполнение задач Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., среди которых ведущими выступают упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности российской нации, развитие этнокультурного многообразия народов? Сможет ли экспансия политического дискурса «неудачи мультикультурализма» реанимировать идеологему «дружбы народов» и придать аналитическую силу концепту «межнационального согласия» в научном сообществе? Является ли дискуссия о мультикультурализме надуманной для России?

Существуют как исторические, так и современные аргументы, убеждающие в значимости участия российских ученых в дебатах о многокультурности. В последние годы широкого разочарования «рыночными» реформами советские практики легитимации и институционализации этничности (в особенности раннесоветские) все чаще описываются с использованием понятия «советский мультикультурализм». При всей его неоднозначности он наделяется позитивными коннотациями признания этнокультурной самобытности и поощрения ценностей интернационализма в противовес узконационалистической замкнутости и осуждаемой недобровольной ассимиляции. На фоне усугубляющихся проблем в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, роста крайних проявлений ксенофобии и расизма в современном российском обществе позитивные практики советского мультикультурализма все чаще с сожалением воспринимаются политиками и старшим поколением россиян как безвозвратно утраченное наследие, не поддающееся реанимации в обществе глубокого социально-классового расщепления. Распад СССР в начале 1990-х гг. и рост русского национализирующего национализма как политического проекта в исключительных интересах этнокультурного большинства в начале XXI в. в России усиливают понимание того, что советская многокультурность (которую все же не следует иде-

ализировать) стала страницей прошлого. Однако, верно и то, что инерционное воспроизводство сложившихся ранее практик культурного плюрализма в постсоветскую эпоху во многом позволяет сохранять России ее федеративное устройство и репутацию многонационального государства.

Пример Татарстана в составе Российской Федерации являет собой современный аргумент в пользу уместности и значимости дискуссии о мультикультурализме в нашей стране [9]. Узаконивание двух государственных языков как важной составляющей бикультурализма в республике, балансирование интересов русского и татарского, православного, мусульманского и нерелигиозного населения послужили залогом благоприятного климата межкультурных отношений. Примечательно, что региональные стратегии вышли за рамки преобладающей русско-татарской двукультурности и работают на продвижение более широкой программы поощрения культурного многообразия [10]. Большую роль в этом играет образование на родных языках для автохтонных народов Волго-Уралья (чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы и др.), прежде всего в местах их компактного проживания в республике, поддержка культурных обществ и НКА разного уровня, в том числе в формате «Домов дружбы», созданных в последние десятилетия.

Было бы наивным идеализировать пример Татарстана и видеть в нем законченный проект успешного на сто процентов мультикультурализма. Мультикультурализм в его либеральном толковании не был частью республиканского дискурса; идеологический поворот в стране в целом не мог не отразиться и на политической риторике в регионе, хотя ключевые политические программы уверенно защищают ценности много- и поликультурности (например, в виде «поликультурного образования»). Отношение к мультикультурализму среди республиканской и культурной элиты и населения не отличается определенностью (термин не усвоен в достаточной мере ни в политической, ни повседневной жизни татарстанцев) и варьирует в очень широких рамках: от негативных оценок до позитивного восприятия.

Среди плюсов многокультурности и многоязычия жители Татарстана, представители разных этнических культур отмечают дружбу народов и межнациональное согласие, расширение кругозора и мышления человека, развитие разноликих культур и их взаимопроникновение, лучшее знание истории, способность объединить во имя общего блага в случае равенства культур и наличия межкультурного обмена. Осознаются и ограничения вследствие сосуществования многих культур на одной территории: возможные разногласия и конкуренция; убежденность, что не все из другой культуры может быть принято; трудоемкость воплощения в связи с дополнительными расходами и необходимостью

специальных усилий и др. Тем не менее из двух альтернатив выбор, как правило, делается все же в пользу многокультурности и многоязычия как условия, обеспечивающего благоприятные сценарии будущего.

Влиятельные акторы политического дискурса поддерживают идеалы межэтнического согласия и «дружбы народов», откликаясь на запрос широких слоев населения, которые не приемлют новых социокультурных иерархий и отношений доминирования в ущерб социальному равенству, справедливости и этноконфессиональному миру. Поэтому вместо западного мультикультурализма во многих территориях России принимается вариант отечественной многокультурности (поликультурности), которая не только соответствует традиционным ценностям, сложившимся устоям, но и обеспечивает необходимые культурные права и свободы.

Литература:

1. Медведев считает опасными рассуждения о «крахе мультикультуры». – URL: <http://ria.ru/politics/20110211/333250655.html> (дата обращения: 22.02.2017 г.).
2. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.
3. Мещеряков В., Иванов О. Толерантность попала в немилость // Казанский репортер. – 2015. – 4 декабря. – URL: http://kazanreporter.ru/post/239_tolerantnost_popala_v_nemilost (дата обращения: 27.09.2016 г.).
4. Филиппова Т. Россия – не Европа // Библиотечное дело. – 2014. – № 5. – С. 1.
5. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.
6. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. – М.: Мысль, 2011. – 482 с.
7. Вевьерка М. Формирование различий // СоцИс. – 2005. – № 8. – С. 13-24.
8. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Берри Дж. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 2. – С. 92-104.

9. Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.): учеб. пособие. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. – 272 с.
10. Nizamova L. Ethnic Tatars in Contention for Recognition and Autonomy: Bilingualism and Pluri-Cultural Education Policies in Tatarstan // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2016. – Vol. 44. – № 1. – P. 71-91.

Meanings and Dilemmas of Multiculturalism in Russia: Ideological Turn of 2010s

L.R. Nizamova
Kazan (Volga Region) Federal University

The meanings and contradictions of multiculturalism in Russia are examined via the discourse-analysis of the Russian and foreign academic literature on multiculturalism, as well as the Russian political rhetoric on the issues of cultural diversity and national unity. Current orientation for the “friendship of peoples” and intercultural consent in Russia that derives from “the Soviet multiculturalism”, and inspiring implementation of “pluri-culturalism” in the post-Soviet Tatarstan speak for the relevance and significance of the discussion on multiculturalism in present-day Russia.

Key words: multiculturalism, pluri-culturalism, tolerance, Russia, Tatarstan, inter-cultural dialogue, bilingualism.

